

ЭКОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СФЕРА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

В. А. Смышляев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 марта 2012 г.

Аннотация: анализируются типы пространств, характерных для современных государственно-организованных обществ. Исследуется сущность и проблематика экополитического пространства как сферы международной конкуренции по поводу обладания природными ресурсами, контроля за ними и их использования. Дается характеристика противоречивости и специфики современной экогеополитической ситуации и соответствующего экогеополитического противостояния в начале XXI века.

Ключевые слова: мегатренды мирового развития, политическое пространство, экополитическое пространство, экогеополитическое противостояние.

Abstract: in this article author analyses types of spaces, which are characteristic for modern state organized societies. The essence and problems of ecopolitical space as sphere of international competition on the possession of natural resources, control over and use them. A characteristic of contradictions and peculiarities of modern ecogeopolitical situation and the corresponding inconsistency oppositions in the XXI-st century is also in the center of authors attention.

Key words: megatrends of world development, political space, ecopoliticalspace, ecogeopolitical confrontation.

В современных политических и социально-экономических исследованиях особое внимание уделяется проблематике пространства, детерминированной как процессом глобализации [1, с. 239–240], так и иными мегатрендами мирового развития.

Соответственно в рамках социологии активно анализируется феномен социального пространства (СП). В географическом отношении конкретные СП охватывают страны, объединившиеся в то или иное сообщество. В этом плане социальное пространство возможно интерпретировать прежде всего как многомерное «единое пространство» (имеющее «межгосударственный формат»), созданное и функционирующее в целях совместной разработки и координации наиболее эффективных вариантов, способов и путей решения социально значимых проблем.

В свою очередь в русле экономической теории активно исследуется экономическое пространство как сфера действия общих глобальных, региональных и межгосударственных процессов. Под единым экономическим пространством понимается территория нескольких государств, которые в соответствии с многосторонним договором осуществляют у себя единую экономическую политику и образуют экономический союз [2, с. 19–20]. Выделяют и такую сопутствующую дефиницию, как единое таможенное пространство, представляющее собой территорию одного или нескольких государств, на которой дей-

ствует единое таможенное законодательство и проводится единая таможенная политика.

В политологии активно исследуется политическое пространство, которое возможно интерпретировать как протяженность и глубину пределов взаимодействия субъектов и объектов политики. Под политическим пространством возможно также понимать и занимаемую политической сферой часть физического пространства (территории). Кроме того, политическое пространство в национально-государственных масштабах представляет собой территорию государства с совокупностью институтов и ресурсов государственной власти, осуществляющих, с одной стороны, легитимное управление и контроль за отдельными его административными единицами, а с другой – воздействие на негосударственные структуры, социальные силы гражданского общества (партии, группы интересов и т.д.), а также на международные социальные движения и агентов геополитики (ТНК и др.), оказывающих давление и влияние на территории данного государства.

Политическое пространство, в связи с его многоаспектностью и многогранностью, имеет географическое, хронологическое (временное), социальное, духовное и даже математическое измерения. Соответствующие «измерители-индикаторы» всё более активно разрабатываются и применяются как в прикладной политологии, так и в современной теории и философии политики [3, с. 429–430].

Вместе с тем динамичная эволюция человечества, сопровождаемая асинхронными по отношению друг к другу научно-техническим, технологическим и духовно-культурным «прогрессами», детерминировала возникновение в процессе и архитектонике жизнедеятельности и развития современных государственно-организованных обществ возникновение так называемых «новых пространств». Соответственно в политических и иных науках, по мере исследовательского углубления в данный комплекс сложнейших проблем, ныне рассматриваются и многие дополнительные («новые») типы пространств современности. К таким «новым» пространствам возможно отнести, например, информационное, правовое, военное, конфессиональное (религиозное), культурное, геополитическое, экологическое и иные пространства, а также «ТНК-пространство», т.е. пространства, находящиеся под существенным воздействием и контролем со стороны ведущих транснациональных корпораций современного мира. При этом именно ТНК, вышедшие в своем развитии и деятельности далеко за пределы отдельных государств и создавшие свои структурные подразделения в десятках стран мира, выступили также ведущими «архитекторами» глобального экономического пространства. В то же время их агенты в начале XXI века оказывают серьезное влияние не только на экономические, но и на политические, социокультурные, технологические, информационные, экологические и иные процессы, характерные для жизнедеятельности и развития современного мирового сообщества в противоречивых условиях глобализации.

Междисциплинарный анализ мегатрендов мирового развития позволяет сделать вывод и о том, что в архитектонике и динамике политических и социально-экономических процессов современности, наряду с иным, существует экополитическое (эколого-политическое) пространство. Данное пространство сформировалось прежде всего в связи с тем, что все без исключения существующие и вероятные разновидности пересекающихся между собой пространств с неизбежностью и самым тесным образом связаны с географическим пространством, а точнее, с определенными территориями и наличествующими на них природными и иными ресурсами. Ибо безопасность, жизнеспособность и функционирование любого пространства по многим ключевым параметрам зависят от его доступа к необходимым ресурсам и обеспеченности ими [4, с. 25–26].

Соответственно экополитическое пространство – суть пространство, возникшее вокруг зоны экологического риска. В его пределах формируются специфические политические общности и структуры, ориентированные на установление контроля за соответствующими природными ресурсами и занятие

ведущих позиций в процессе природопользования и управления экоситуацией [5, с. 61].

Экополитические пространства могут быть локальными, региональными и глобальными. На локальном и региональном уровнях вероятно совпадение данного пространства с политическим пространством. Глобальное же экополитическое пространство не совпадает ни с одним конкретным политическим пространством, имеющим региональный (в том числе национально-государственный) масштаб. Именно глобальное экополитическое пространство является сферой геополитического противостояния. В его основе – несовпадение географического размещения наиболее развитых стран мира (НРС), население которых в совокупности составляет так называемый «золотой миллиард» человечества, и основной массы природных ресурсов, необходимых для поддержания их жизнедеятельности и развития в формате «сверхпотребления».

Иными словами, существенная часть (и даже «львиная доля») таких ресурсов располагается не на территории НРС, являющихся глобальным Центром, а на территории стран, относящихся к глобальной Полупериферии и Периферии (как, например, Россия и целый ряд государств Востока). Данный «экогеополитический расклад» детерминирует дифференциацию человечества на «меньшинство», живущее в формате «ресурсного сверхпотребления», и «большинство» («остальное человечество»). В архитектонике названного «большинства» наблюдается и группа «стран-доноров» (по ряду параметров к ним возможно отнести и Россию), поставляющих ошутимую часть имеющихся на их территории природных ресурсов и энергоносителей «золотому миллиарду». Именно для таких стран-доноров и характерна «сырьевая экономика», функционирование которой обеспечивает им до 70–80 % доходов от экспорта.

Противоречивость такой экогеополитической ситуации заключается в том, что и НРС (группа стран – «ресурсных реципиентов»), и страны – «ресурсные доноры», не удовлетворены своим положением. Первая группа государств мира, несмотря на свое глобальное лидерство (в том числе экономическое, военное, технологическое, информационное и др.), испытывает определенную зависимость от стран – поставщиков природных ресурсов и энергоносителей. В свою очередь государства – глобальные сырьевые доноры ощущают свою зависимость от внешнего спроса на их природные ресурсы и уровню цен на них. Кроме того, международная «сырьевая» специализация данных стран детерминирует функционирование на их территории «неполноценной экономики». Такая конфигурационно «однобокая» экономика не обеспечивает странам – ресурсным донорам дальнейших перспектив их социально-экономического

развития в силу своей «недифференцированности». Кроме того, правящие элиты НРС, а также ТНК (как глобальные бизнес-структуры) испытывают естественное для них стремление эффективно контролировать места концентрации общемировых запасов природных ресурсов (и особенно энергоносителей) либо иметь дело с лояльными им правительствами соответствующих государств – ресурсных поставщиков и доноров. В контексте решения названной задачи НРС более чем серьезно разрабатывают схемы (пока в основном теоретические) установления «международного контроля» за искомыми территориями «в целях обеспечения их защиты от хищнической эксплуатации и нерационального природопользования». «Благородный мотив» подобных действий – приоритетная принадлежность природных ресурсов планеты всему человечеству. В арсенале соответствующих стран – мировых лидеров – и применение военной силы в подходящих ситуациях (как это совсем недавно было, например, в отношении Ирака и Ливии) [6, с. 192–193]. Подобный «международный контроль» предполагается (пока теоретически) и в отношении природных ресурсов Российской Федерации.

Существует также угроза суверенитету стран, обладающих основными запасами мировых природных ресурсов, но не имеющих достаточного военного, экономического и технолого-технического потенциала для сохранения контроля за ними, для их отстаивания в случае внешней агрессии тех или иных «претендентов» на них. В этом плане уместно напомнить, что обе мировые войны, имеющиеся в «историческом мартирологе» развития человечества, во многом были спровоцированы процессом обострившегося передела сфер влияния на регионы планеты, богатые природными и иными ресурсами. Вероятная же третья мировая война также может иметь «природоресурсный контекст» и стать битвой за установление контроля прежде всего за энерго- и водными ресурсами Земли.

Специфической разновидностью «экогеополитического противостояния» возможно считать и межгосударственные противоречия в связи с осуществляемой НРС политикой экспорта экологически грязных производств в страны Периферии и (частично) Полупериферии. Следует отметить также, что и терри-

тория России (на восток от Урала) в наше время реально используется, например, для захоронения в соответствующих могильниках существенного объема радиоактивных отходов (РАО), поступающих в нашу страну из-за рубежа.

Не менее острой проблемой, провоцирующей «экогеополитическое противостояние», является и проблема «трансграничных загрязнений», основным генератором которых выступают НРС, и прежде всего США. При этом именно явная эскалация загрязнения глобальной биосферы стала одной из основных причин общепланетарных деструктивных изменений климата и обострения экологического кризиса.

Таким образом, сложившееся в современном мире экополитическое пространство действительно трансформировалось в сферу геополитического противостояния, опасность которого трудно переоценить. Поэтому крайне важно принять своевременные и эффективные меры по достижению (наиболее оптимальный вариант – под эгидой ООН) международного консенсуса в сфере ресурсопользования, обеспечению глобальной экологической безопасности [7] и созданию необходимых условий для перехода мирового сообщества к устойчивому развитию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глухова А. В. Политические процессы / А. В. Глухова. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2009. – 280 с.
2. Модернизация экономики современной России : теория, практика, приоритеты / под ред. В. А. Смышляева. – Воронеж : ВГТУ, 2011. – 162 с.
3. Теория политики / под ред. Б. А. Исаева. – СПб. : Питер, 2008. – 464 с.
4. Смышляев В. А. Экологическая безопасность России : теоретико-методологические основы политологического анализа / В. А. Смышляев. – М. : ИНИОН РАН, 2005. – 172 с.
5. Смышляев В. А. Экополитология : (политическая экология) / В. А. Смышляев. – Воронеж : ВГУ : ВГТУ : Научная книга, 2011. – 363 с.
6. Добренков В. И. Война и безопасность России в XXI веке / В. И. Добренков, П. В. Агапов. – М. : Академический проект, 2011. – 218 с.
7. Смышляев В. А. Экологическая безопасность : глобальные контуры и российский аспект / В. А. Смышляев. – Воронеж : Научная книга, 2009. – 538 с.

Воронежский государственный университет

Смышляев В. А., доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии

E-mail: witeco@yandex.ru

Тел.: 8-906-582-73-08

Voronezh State University

Smishlyaev V. A., Doctor of Political Science, Professor of the Sociological and Political Studies Department

E-mail: witeco@yandex.ru

Tel.: 8-906-582-73-08